

Л.В.Веселовский

**«Если б знали вы...», Или
«Никто не даст нам избавленья...»**

Рассказ о малоизвестном эпизоде противоборства двух сверхдержав в эпоху «холодной войны» на поприще культуры в далекой Бразилии. Автор — участник описываемых событий. Некоторые имена и фамилии изменены.

7 апреля 1969 г. на первой странице провинциальной газеты «Diário do Pará» большими буквами было напечатано: «Русские заставили зал стоя петь «Интернационал». Эта новость была немедленно подхвачена крупнейшими бразильскими федеральными газетами «O Globo» и «Jornal do Brasil». В стране правила военная диктатура во главе с маршалом Артуром да Коста-и-Силвой — одним из самых репрессивных диктаторов в истории Бразилии. Во главе штатов также стояли военные, под полным контролем военной полиции была введена строгая цензура.

Ключевые слова: Бразилия, ансамбль «Жок», противостояние СССР — США, военная диктатура, Е.А.Фурцева.

DOI: 10.31857/S0044748X0003713-3

КОНКУРЕНТЫ

А в это время в далеком Рио-де-Жанейро атташе по культуре США вел доверительную беседу с офицером связи военного президента Бразилии:

— Мы затратили значительные средства на гастроли американского балета на льду в Бразилии. Двухмесячное турне по десяти городам страны под угрозой срыва. Дорогостоящее оборудование искусственного льда простаивает. Нам удалось продать лишь половину билетов. А у русских какой-то фольклорный ансамбль идет с аншлагом. В Рио и Сан-Паулу все билеты на их концерты уже проданы. В Белеме нам удалось устроить скандал из-за пения «Интернационала» во время спектакля русских, но если они возобновят выступления в другом штате, об этом инциденте забудут, а губернатор Белема окажется в дурацком положении. С нашей подачи он направил доклад президенту страны, упирая на политическую сторону скандала. Дайте этой бумаге ход и сделайте все, чтобы не допустить продолжения гастролей русских в Бразилии.

Офицер связи попытался возразить:

— Журналисты из центральных газет уже знают, что на спектакле пели популярную русскую песню и что инициаторами были зрители. Нам будет

Леонид Владимирович Веселовский — экономист-международник, кандидат исторических наук, полковник КГБ СССР в отставке, пенсионер (revistala@mtu-net.ru).

Окончание. Начало см.: Латинская Америка, 2019, № 1.

трудно выслать ансамбль из страны под этим предлогом. Кроме того, через месяц у них продолжение гастролей в Уругвае.

— Наша цель — сорвать их гастроли по Латинской Америке. Мы не можем допустить роста популярности России на нашем континенте. Добейтесь их возвращения в Москву. Русские не пойдут на двойные затраты для продолжения гастролей. А уругвайцев мы заставим отказаться от их приема раньше запланированного срока и потребовать выплатить неустойку за срыв гастролей.

В своем донесении в канцелярию президента страны офицер связи до слову привел полученные от американского атташе по культуре инструкции и отправил бумагу по обычным каналам. Бюрократический механизм был запущен. Решение вопроса явно затягивалось.

РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО. РАССЛАБЛЯТЬСЯ БЫЛО РАНО...

Через два дня шеф полиции пригласил Витьку в бар отеля, где, заказав выпивку, завел с ним вполне дружелюбный разговор, принося извинения за причиненные неудобства. Витька никак не мог взять в толк, с чего это полковник проникся к нему симпатией. Когда же тот неожиданно произнес: «Жаль, что вы завтра летите в Рио, а то я взял бы тебя в джунгли на охоту с вертолета», — Витька разинул рот от удивления. О вылете в Рио вместо Ресифи труппе еще не было известно, а увидеть джунгли с вертолета очень хотелось. Но полковник уклонился от дальнейших объяснений, переведя разговор на бытовые темы. На вопрос, чего бы ему хотелось на память, Витька ни с того ни с сего признался, что еще ни разу не пробовал авокадо, о котором много слышал.

— Я пришла тебе, у меня во дворе целое дерево растет, — расчувствовался старый полицейский, прощаясь.

Последний обед в местном ресторане уже заканчивался, когда в зал вошел официант с большим блюдом нарезанных зеленых плодов и направился прямо к Витьке. Все с удивлением смотрели на поставленное перед ним блюдо со словами: «Подарок от шефа полиции».

Витька с гордостью принялся угощать диковинными плодами сидевших рядом с ним артистов, подогревая к себе интерес всего зала.

В самолете «Electra», взявшем курс на Рио, места первого класса были расположены в хвостовом отсеке. Там разместилось начальство, включая мадам Познанскую и Витьку. Федорчук вальяжно раскинулся на диване с неизменным стаканом виски. Сразу после взлета улыбающиеся стюардессы покатали по салону тележки со спиртным, объявляя: «Бесплатно, презент от компании «Varig». Пользуясь отсутствием начальства, включая вездесущего Калюжного, артисты с явным удовольствием потянулись к бутылкам. Вслед за пакетиками с солеными орешками стали подавать небольшие шашлыки на деревянных шпажках, далее последовали подносы с горячим. Шестичасовой полет, сдобренный хорошей выпивкой и закуской, стал достойной компенсацией за переживания последних дней. Но расслабляться было рано.

Аэропорт Рио находился в черте города, и самолет заходил на посадку с моря. Пассажирам открывался потрясающий вид города с песчаной подковой знаменитых пляжей, белоснежной статуей Христа на горе Корковаду, скалой Pão de Açúcar (Сахарная голова). Самолет спускался все ниже, уже были видны ма-

шины, мчащиеся по залитым солнцем набережным. Казалось, что шасси почти касались воды, когда у самой ее кромки неожиданно возникла бетонная дорожка, и самолет покатился по ней к зданию аэропорта.

У трапа с каменными лицами стояли несколько сотрудников советского консульства и многочисленные фотокорреспонденты. Артисты цепочкой потянулись к зданию аэропорта. Застегнутый на все пуговицы советский консул нервно ждал Федорчука, который вышел в сильном подпитии последним. Первое, что дипломат спросил у директора филармонии:

— Зачем вы запели «Интернационал»?

Тот, пьяно улыбаясь, сострил:

— Да мы и слов таких не знаем...

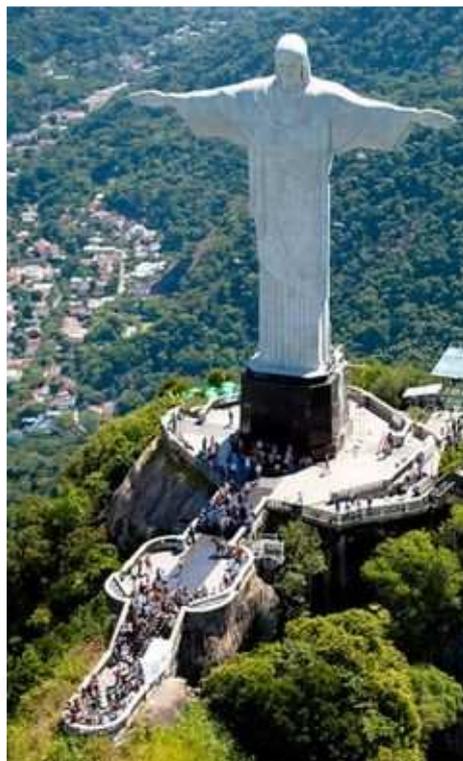
Синкевич, подхватив директора под локоть, бросил консулу через плечо:

— Во-первых, это были «Подмосковные вечера», а во-вторых, пели не мы, а они.

Консул зло прошипел им вдогонку:

— Журналистам интервью не давать, в пять быть в консульстве.

Пока ждали багаж, фотокорреспонденты с удовольствием снимали улыбающихся танцовщиц. Витька отчаянно отбивался от вопросов, ссылаясь на усталость труппы.

Статуя Христа на горе Корковаду

ОТЕЛЬ «ИМПЕРИАЛ». ЧЕТВЕРТЬ КУРИЦЫ

Пошептавшись с Калюжным, консульские работники уехали, не попрощавшись. Окруженная полицейским кордоном труппа расселась по автобусам и отправилась в отель. Город оказался очень большим и многолюдным. Широкие набережные с рядами пальм, безбрежный океан, множество красивых машин, видимая отовсюду знаменитая скала Сахарная голова заставили путешественников забыть о невзгодах и восторженно обмениваться впечатлениями об увиденном. Витька, глядя из автобуса на город, вспомнил Остапа Бендера и произнес про себя: «Вот я и в Рио. Сбылась мечта идиота».

Отель «Империял» оказался в самом центре. Он высился серой громадиной на одной из боковых улиц. Выбор на него пал из-за близости к Муниципальному театру, располагавшемуся на площади Флориано Пейшоту, где планировались выступления ансамбля. Оказалось, что отель был построен в 30-е годы и основательно обветшал. При расселении Витька, переводивший указания администратора, заметил, что подготовленные для них номера расположены один над другим с третьего по пятнадцатый этаж. Это создавало явные неудобства для труппы, тем более, что лифтов было

Скала Сахарная голова

всего два, они ходили медленно, и в каждом сидел лифтер. В холле, где в ожидании ключей столпились все приехавшие, вновь сидели или стояли, прислонившись к стенке, мрачного вида люди, давая понять новым постояльцам, что ограничения с них не сняты.

Поднявшись в номер, Витька, которого поселили с молодым скрипачом Яшей и трюкачом Колькой, выглянул в окно. Оно выходило во внутренний двор, напоминавший каменный мешок. Сбоку от окна Витька заметил спускавшийся с крыши кабель, от которого тонкие провода вели в расположенные ниже окна всех этажей. Покопавшись в розетке телевизионной антенны, Витька обнаружил небольшой цилиндр, подключенный к идущим снаружи проводам. Гордясь своей находкой, Витька полетел по черной лестнице к Калюжному, устроившемуся двумя этажами ниже. Они вместе обошли несколько номеров и нашли такие же цилиндры:

— Подслушивающее устройство, — со знанием дела произнес Петр, — надо предупредить Федорчука, а то он любит трепаться...

В более просторном номере руководителя уже сидели мадам Познанская и Синкевич. Вошедший с Витькой Калюжный знаками показал, что их слушают. Федорчук, обалдев, посмотрел на своего зама и обратился к Познанской:

— Так что мы будем делать с питанием? По контракту один раз в день труппа ест в ресторане. Пока не проясним вопрос о спектаклях в Рио, кормить будем полупорциями. Я и так несу убытки. Аренда театра для репетиций тоже стоит денег. Давайте экономить. Виктор, поищи дешевый ресторан рядом с отелем и договорись об ужине на всю труппу за полцены с дополнительной скидкой за количество. Больше чем на полтора доллара за ужин не соглашайся.

Виктор помчался вниз. В холле ему преградил дорогу один из полицейских в штатском:

— Куда?

— В ресторан напротив, ужин заказать.

В сопровождении двух младших по чину полицейских Витька пришел к хозяину небольшого и явно непрестижного ресторанчика.

— Сможете накормить 75 человек?

Тот растерянно кивнул, не веря своему счастью.

— Но одно условие: порции делить на двоих.

— Могу предложить курицу с рисом и салат. Напитки бесплатно. Обычная порция — полтушки.

— Рубите пополам. Сколько с человека?

— Доллар и тридцать пять центов, — осторожно произнес администратор.

Витька не стал торговаться, боясь, что труппа останется голодной.

— Если нам понравится, будем ужинать несколько дней подряд.

Когда все собрались на ужин в назначенное время, Витька понял, что не ошибся. Официанты поставили на стол много салатов, блюда с фруктами, да и четверть курицы оказалась вполне приличным куском. Но некоторые танцоры глухо зароптали: «Доллар тридцать пять. Это же дорого! Мы и дешевле можем питаться». Все знали, что плату за ужин импресарио вычитала из скудных суточных, которые артисты пытались оставить для крупных покупок. Уже на следующий день на ужин пришли только пятьдесят человек, а потом и вовсе пришлось отказаться от ресторана. Вынужденное безделье становилось накладным для всех.

СКАНДАЛ НЕ УТИХАЕТ

Поездка Федорчука, Синкевича и Калюжного в консульство оказалась результативной. В Москву полетела первая информация о случившемся с подробным описанием поведения властей и полиции. Калюжный, продемонстрировав подслушивающее устройство, требовал отправить его в Москву на экспертизу. Консул, также принадлежавший к известному ведомству, отклонил просьбу представителя из Кишинева, задав ему один вопрос:

— На каком языке говорят ваши танцоры между собой, находясь в номере?

— На молдавском, — растерянно ответил Калюжный.

— Здесь с русским-то никого не найдешь, чтобы записи расшифровать, а с молдавским — вообще проблема. Полицейские посты в отеле, муляжи прослушки — все сделано для устрашения, чтобы заставить вас нервничать и доказать, что в ансамбле одни шпионы. Рекомендую ничего в номерах не выламывать, на провокации не поддаваться. Обо всех подозрительных моментах немедленно докладывать.

Консул не стал пугать руководство ансамбля участием в скандале американцев, о чем были получены достоверные сведения из канцелярии бразильского президента, но в сообщении в Москву об этом говорилось довольно подробно.

Беседа в консульстве произвела на Федорчука и Синкевича большое впечатление. Они вдруг почувствовали, что их не бросят, что родина делает все для восстановления доброго имени ансамбля «Жок» в Бразилии.

Утренние газеты на первых страницах поместили фотографии о прилете ансамбля под броскими заголовками: «Красные в Рио!», «Полиция Белема знает слова «Интернационала!», «В политической полиции страны учат гимны коммунистов!». Внимание к труппе вновь подогревалось. После завтрака Калюжный с Федорчуком на посольской машине вновь отбыли в консульство для получения инструкций из Москвы. Остальные под присмотром многочисленной охраны пешком отправились в театр на репетицию. Прохожие с любопытством поглядывали на мирно идущую толпу молодых артистов. На бульваре под тенью королевской пальмы худой небри-

Здание театра в Рио-де-Жанейро

тый юноша в черной одежде, окруженный несколькими прохожими, громко вещал о грядущем конце света. Рядом сипло играла шарманка, бегали малыши. Жизнь в Рио шла своим чередом.

В театре было пусто и прохладно. На подготовку ушло около часа. Танцоры разминались за кулисами, оркестранты настраивали инструменты. Балетмейстер Догу захлопал в ладоши, призывая танцоров на сцену. Репетиция началась. Вынужденный простой последних дней давал о себе знать, кое-кто сбивался с ритма, опаздывал. Приходилось начинать снова и снова.

Витька сидел в зале, безучастно наблюдая за происходящем на сцене. Когда рядом уселись Федорчук и Калюжный, Витька с тревогой посмотрел на них, ожидая вестей из Москвы.

— В Москве нервничают. Уругвай отказывается принять нас ранее назначенного срока. Импресарио рвется в Канцелярию президента, просит разрешить концерты здесь в Рио. Театры, где мы должны выступать, протестуют против отмены гастролей. Нас просят сохранять спокойствие и продолжать репетиции.

Калюжный добавил:

— Консул приказал прессе никаких интервью не давать, заявлений не делать. С полицией вести себя корректно.

— А что с деньгами?

— Отель оплачен на две недели вперед, театр для репетиций — на одну. Обратных билетов на Москву у нас нет. Импресарио согласна отправить нас только в Монтевидео. Если дело затянется, можем остаться без суточных.

После репетиции все вернулись в отель в ожидании чуда. Но его все не было.

НОЧНОЙ ОБХОД

Хотя приставленные к ансамблю люди, сменяя друг друга, ни на минуту не покидали главный вход отеля, ушлые ребята быстро нашли лазейку через прачечную на первом этаже с черным ходом, который вел на соседнюю улицу. Витька случайно наткнулся на них, когда те тащили в номер жареную на вертеле курицу.

— Представляешь, одна штука стоит всего доллар. Это здесь рядом, за углом, — похвастались они.

Витька тут же воспользовался лестницей, рванул на улицу и слился с толпой. Впервые он наслаждался одиночеством, с любопытством разглядывая вечерний город. Район отеля был из категории «злачных». Среди многочисленных прохожих сновали подозрительного вида мальчишки, у стен в вызывающих позах стояли уличные проститутки. Около банка Витька увидел охранников с автоматами наперевес, охранявших инкассаторский броневик, мимо которых с безразличным видом шли прохожие. Вооруженные нападения на банки были здесь делом обычным. Изредка по улице проезжали открытые джипы с вооруженными солдатами, напоминая о том, что у власти были военные. Из кофейни на углу доносился такой аромат, что Витька решил попробовать настоящий «кафезинью». Маленькая чашечка горячего и сладкого напитка вызвала в нем щенячий восторг. Он тут же вспомнил заученную в институте фразу о бразильском кофе: «полчашки кофе, полчашки сахара и одна капля воды». Жмурясь как кот, он маленькими глотками пил волшебный напиток, ощущая себя равным всем посетителям кафе. Публика у стойки была разная. Он обратил внимание на двух пожилых бразильцев. Бармен аккуратно наполнил их рюмки из высокой бутылки с длинным наконечником. Они дружно плеснули по капле на пол и залпом осушили рюмки. «Uma gota pra Deus» («Одна капля для Всевышнего») — вспомнил Витька уроки португальского. Этот бразильский ритуал выполнялся во всех барах страны с незапамятных времен. Отсюда родилась известная бразильская шутка: «Бог не в состоянии нам помочь, ведь каждый день он вынужден пить за здоровье миллионов бразильцев».

Время шло, и Витька, боясь заблудиться, поспешил в отель тем же путем через прачечную, минуя дежурившую в холле охрану. Он поднялся к Калюжному, чтобы рассказать про черный ход.

— Давай пройдемся по номерам, посмотрим, все ли на месте, — предложил строгий администратор. Ближе всего оказался номер знаменитого солиста, которому было позволено поехать с женой, отвечавшей за концертные костюмы. Из-за двери доносился сильный запах чеснока. Открывшая на стук супруга, улыбаясь, предложила войти:

— Как раз к ужину успели.

На самодельной подставке Витька увидел большой перевернутый вверх костюмерный утюг, на котором, как на сковороде, шипела распластанная курица. Вторым раскаленным утюгом хозяйка сверху прижимала курицу.

— Цыпленок табака, садитесь, — предложила она.

Настоящий «кафезинью»

славшись на занятость, заторопился, потянув за собой Витьку, который был бы не прочь остаться у гостеприимных хозяев.

В номере этажом ниже также готовились к вечерней трапезе. С изумлением в углу комнаты Витька увидел умывальник, в котором лежали два подключенных к розетке мощных кипятильника. Умывальник наполовину был заполнен красной бурлящей жидкостью.

— Харчо варим, — доверительно сообщили одетые в домашние халаты хозяйки, совсем не похожие на солисток ансамбля. — Минут через тридцать заходите.

Запах варева медленно плыл по коридорам отеля. Спустившись еще на этаж и войдя в очередной номер без стука, Калюжный замер в дверях. Витька, заглянув через его плечо, увидел на кровати две улыбающиеся рожки знакомых танцоров, недавно купивших курицу. Они нервно натягивали одеяло, явно что-то скрывая. Из-под одеяла показались две пары розовых девичьих пяток. «Опять попали!» — глупо улыбаясь, пробормотал один из парней. Под одеялом раздалось сдавленное девичье хихиканье. Калюжный сплюнул и с грохотом захлопнул дверь.

— На сегодня хватит, отдыхай, — грустно произнес он, обращаясь к растерянному Витьке.

Тот почти поднялся на свой этаж, когда с улицы донеслись вой сирены и громкие крики. Подбежав к окну в конце коридора, Витька высунулся и посмотрел вниз. Улица с двух концов была блокирована военными. Всех, кто попался в ловушку, грубо заталкивали в крытые грузовики. Истошно кричали проститутки, которых при погрузке били резиновыми дубинками. Армия в очередной раз наводила порядок путем массовых ночных облав, проходивших под лозунгом «Очистим город от криминала!», о чем каждый день писали бразильские газеты. Витька решил для себя, что ночью лучше сидеть в отеле, чем попасть в такую заваруху.

ТИХИЙ АМЕРИКАНЕЦ

На следующее утро Витька сидел в темном зале театра, равнодушно наблюдая за репетицией, когда к нему подошел молодой бразилец и пригласил выйти в фойе. Он представился студентом университета, активистом местного отделения «Корпуса мира». Оказалось, что его послал сотрудник культурной миссии США, который откуда-то знал Витькину фамилию и

был осведомлен о его участии в одной из секций Дома дружбы в Москве. По словам студента, у американца было несколько вопросов к Витьке по поводу научных публикаций под эгидой Института Латинской Америки, и он приглашал посетить миссию, благо она была рядом с театром. Витька растерялся, понимая, что этот вопрос требует обсуждения с руководством труппы. Калюжного в театре не было, он с утра уехал в консульство, а с Федорчуком Витьке советоваться не хотелось. После недолгих колебаний он решил отлучиться на полчаса и узнать, что американцу от него нужно. Жозе, так звали студента, взялся сопроводить Витьку до миссии и представить американцу.

Действительно, в двух кварталах от театра за кованой железной решеткой находился трехэтажный особняк с флагштоком, на котором висел звездно-полосатый флаг. Жозе что-то сказал в домофон, замок калитки шелкнул, и Витька вошел на территорию США. На втором этаже Жозе показал ему на кабинет со стеклянной дверью, на которой было написано: «Ричард Дуглас-младший». Из-за стола встал высокий молодой человек, заговоривший по-португальски с сильным американским акцентом:

— Спасибо, что ты согласился придти. Я долго тебя не задержу. Скажи, ты знаешь Горелова из редакции журнала «Латинская Америка»?

Витька действительно встречался с ним на семинарах в Доме дружбы и даже хотел опубликовать с его помощью статью о новых левых.

— В общем, да, — неуверенно начал Витька, — а что вы хотите от меня?

— Понимаешь, я с ним давно переписываюсь и хотел бы передать ряд материалов, которые он у меня просил. Ты мог бы взять их с собой в Москву?

— Но ведь мы отсюда летим в Уругвай, а в Москве я окажусь только в сентябре. Может быть лучше отправить через наше консульство?

— Как знать, — хитро улыбнулся американец. — Думаю, мы обойдемся без консульства. Слушай, я вижу, ты торопишься. Давай встретимся вечером у меня дома. Я живу один. Возьми с собой кого хочешь, можешь девчонок из ансамбля. Посидим, поговорим. Жозе все организует, у него машина.

Витька понимал, что попал в какую-то игру, но не мог сообразить, в какую. На всякий случай он не стал отказываться от приглашения, твердо решив посоветоваться с Калюжным.

Распровавшись с новыми знакомыми, Витька вернулся в театр. Коротко рассказав уже вернувшемуся из консульства Калюжному о знакомстве с американцем, Витька предложил ему поехать вместе, прихватив пару танцовщиц на усмотрение администратора. Тот, подумав, согласился в надежде напасть на след тех, кто плетет паутину вокруг ансамбля.

Когда стемнело, к отелю подъехал Жозе и, вызвав Витьку, подтвердил приглашение. Калюжный с девушками присоединились к Витьке, и все расселись в длинном «Шевроле» с кожаными сиденьями. Жозе уверенно вел машину по вечернему городу, забираясь все выше, в район особняков. Вскоре они остановились около одноэтажной виллы, спрятавшейся в цветущем кустарнике. Американец встретил их на пороге в тенниске синего цвета и светлых брюках. Широко улыбаясь гостям, он представился: «Зовите меня Рич». В просторной гостиной все устроились на мягких диванах. Направленный в потолок торшер давал мягкий, приглушенный свет. Рич включил проигрыватель. Зазвучал блюз в исполнении биг-бэнда Дюка Эллингтона.

— Что будете пить? — гостеприимно спросил хозяин.

— Блади Мэри, — уверенно сказал Витька, решив показать знание предмета.

Калюжный попросил рюмку водки, а девушки — кампари с соком.

Рич попросил Жозе помочь ему с напитками и отправился на кухню. Витька терпеливо ждал, Калюжный с любопытством рассматривал помещение.

Американец вернулся с подносом, на котором стояли высокие стаканы с напитками и палочками для размешивания, небольшие чашки с маслинами и крекерами. Все разобрали бокалы и Рич, с трудом выговаривая, произнес по-русски: «На здоровье!». Пытаясь быть галантным, Рич через Витьку задавал невинные вопросы гостям: «Нравится ли Рио?», «Можно ли придти на репетицию?», «Сколько лет ансамблю?». Разговор явно не клеился. Жозе тоже пытался разрядить обстановку, рассказывая о местных обычаях. Витька, вынужденный переводить, урывками отпивал свой коктейль, вкус которого был непривычно резким. Время шло, беседа текла без особого интереса с обеих сторон. Создавалось ощущение, что американец чего-то ждал. Витьке стало душно, он все чаще глотал холодную от кубиков льда смесь томатного сока с водкой. Ему хотелось откинуться на подушки дивана. Голова кружилась. Он уже почти не слышал, что говорят вокруг. Чувствуя, что он теряет сознание, Витька схватил Калюжного за колено и зашептал:

— Срочно увози меня, мне плохо. Вызови такси.

Калюжный среагировал моментально, что-то сказал девушкам, те сразу же заторопились, объясняя жестами и мимикой, что утром репетиция в театре. Калюжный заставил Жозе вызвать такси по телефону, отказавшись от его услуг водителя. Рич и Жозе выглядели несколько смущенно, но помогли довести Витьку до подъехавшего такси.

Всю ночь Витьку трясло и выворачивало. Утром померили температуру — 39,5. Калюжный запретил ему вставать с постели и вызвал врача из консульства. Та обнаружила сильнейшее отравление, заставила Витьку выпить огромное количество воды, оставила какие-то таблетки. К вечеру Витьке полегчало. На следующий день Витька позвонил Жозе и заявил, что американец намеренно отравил его. Тот испуганно все отрицал и обещал разобраться. Когда бледный, осунувшийся Витька в очередной раз появился в театре на репетиции, туда снова пришел Жозе.

— Рич приносит тебе свои извинения, он случайно просыпал стиральный порошок, когда делал тебе коктейль.

— Да что же он, такой жмот, что не мог приготовить новый? — возмутился Витька.

— Рич очень хотел, чтобы ты остался у него ночевать.

— Зачем?

— Он хотел поговорить с тобой о научной работе.

— Передай ему, что после того, что он сделал, я его знать не хочу.

Жозе понял, что Витька не простил и тихо вышел из зала.

Калюжный, немедленно сообщивший консулу о происшествии с Витькой, через день получил от того сведения о том, что Ричард Дуглас-младший — кадровый сотрудник ЦРУ, работающий под прикрытием Культурной миссии США. Видимо целью операции было лишить ансамбль переводчика, которого полицейские должны были найти в бессознательном состоянии на пляже Тижукана недалеко от фавел. Пребывание русского в полицейском участке могло придать скандалу вокруг «Жока» новый импульс криминального характера.

ПРАЙЯ АРПОАДОР. ОПАСНОЕ КУПАНИЕ

Похожие друг на друга дни тянулись один за другим, а ситуация, связанная с гастроями, оставалась неясной. Пресса, казалось, потеряла интерес к скандалу с русскими. Ежедневные репетиции в театре больше стали походять на разминку для поддержания формы. Балетмейстер и дирижер почти не делали замечаний, понимая, что до возобновления гастролей далеко. Артисты уже привыкли к тому, что их постоянно сопровождала местная полиция, да и та вела себя вполне сносно. Витька перезнакомился со всеми полицейскими, торчавшими в холле. Выходя на улицу, он сообщал им:

— Я — на ту сторону за сигаретами. Сейчас вернусь.

Стражи порядка согласно кивали, продолжая сидеть. Кому охота тащиться следом по полуденной жаре. Особую радость у них вызвали походы артистов в соседний кинотеатр на дневные сеансы. Там было прохладно, удобные кресла, к тому же полицейских, сопровождавших русских, пускали бесплатно. На одном из утренних сеансов Витька посмотрел бразильский фильм «Три рассказа ужасов», где его больше всего потряс сюжет о заживо погребенном парне, заранее знавшем о своей участи из своих снов-кошмаров. С бразильскими фильмами, отличавшимися натурализмом и драматичностью сюжетов, Витька был знаком еще со времен учебы в институте, где на уроках португальского им по несколько раз крутили «Трен пагадор» (о нападении на почтовый поезд), «Там, где кончается асфальт» (о жизни в фавелах) и нашумевшую ленту «Генералы песчаных карьеров». Новое знакомство с бразильским кино потрясло его не меньше.

В один из таких дней мадам Познанская, лихорадочно пытавшаяся отменить запрет властей на гастроли ансамбля в Бразилии, неожиданно появилась в театре и сделала для важное заявление:

— Канцелярия президента под давлением Москвы разрабатывает половинчатое решение: гастроли в Бразилии не возобновлять, но артистов «персонами нон грата» не объявлять. Москва формально отзывает коллектив и обеспечивает его билетами. До решения технических вопросов отъезда труппа остается в Рио в качестве туристов. Вопрос о дальнейших гастролях в Латинской Америке будет решаться в Москве.

И заключила:

— Репетиций больше не будет. Завтра все организовано едут на пляж.

Реакция труппы была весьма бурной. Первый выезд за рубеж, на который все рассчитывали, похоже заканчивался. Прощай валюта, желанные «Жигули», заморские шмотки. Федорчук, пытаясь успокоить всех, приказал дожидаться представителей консульства, чтобы получить дополнительные разъяснения и обсудить схемы отъезда. Калюжный строго напомнил о дисциплине, требуя неукоснительно соблюдать правила пребывания за рубежом:

— По одному не ходить, в отеле вести себя тихо, электроприборами в номерах не пользоваться.

К вечеру труппа с удивлением обнаружила, что полицейские посты у отеля сняты, за труппой никто не следит.

Утром следующего дня автобусы повезли труппу на пляж Арпоадор, расположенный в самом конце знаменитых пляжей, тянувшихся на несколько километров вдоль набережных, поражая своей широтой и множеством загорелых тел. Повсюду прямо на песке были расставлены футболь-

Пляж Арпоадор

ные ворота, и ватаги босоногих мальчишек неистово гоняли мяч. Дорога то поднималась над морем, то подходила к самой кромке. На придорожных скалах мелькали непонятные надписи, среди которых выделялись буквы: «Esquadrão da morte» («Эскадрон смерти»). Витька вспомнил это название по публикациям о таинственной группе бывших полицейских, жестоко расправлявшихся с бандами преступников из фавел.

Предвкушение морского купания нарастало. Сопровождавший труппу гид предупредил Витьку: «На Арпоадоре сильное течение. Будьте осторожны. В прошлом году там утонули два русских дипломата. Их затянуло в океан». Витька громко объявил всем об опасности.

Наконец подъехали к пляжу. Стоянка была заполнена до отказа. Круглый ресторан с террасой нависал над сравнительно небольшим пляжем. Пологая скала, начинавшаяся метрах в двадцати от берега, образовывала небольшую бухту. Множество купающихся резвилось у берега на мощных волнах, размеренно накатывавшихся на песок. Разбиваясь о скалу, волны брызгами разлетались по камням, усыпанном темно-коричневыми ракушками и водорослями.

Оставив в автобусах одежду, артисты с гостиничными полотенцами на шее побежали к воде. Их белые тела выделялись среди остальных купальщиков. Витька вошел в теплую соленую воду по пояс, ожидая очередную волну. Накат оказался довольно сильным, он подпрыгнул и оказался на пару метров ближе к берегу. Попытался встать, но дна не было. Его потянуло назад. Оказалось, что мощные волны смывают донный песок, и нужно быть внимательным. Будучи неплохим пловцом, Витька поплыл вдоль берега на безопасном расстоянии. Вдруг он увидел, что пожилой музыкант, игравший в оркестре на ударных, по совместительству профорг, беспомощно машет руками метрах в двадцати от берега. Его лысая голова то и дело скрывалась под водой. Витька быстро подплыл к нему и сильно толкнул к берегу. Потом еще и еще. Наконец задыхающийся музыкант нашел ногами дно. Натружено кашляя и тяжело дыша, он оправдывался:

— Я подпрыгнул, а дно ушло, а плавать не умею.

Витька сухо объяснил, что дальше чем по пояс тому заходить опасно. Выйдя из воды, он устало лег на песок и стал смотреть на купающихся, невольно ища среди них своих. Знакомая молодежь смело плыла к скале, кто-то лежал на спине, качаясь на волнах. У скалы вода двигалась мощными потоками, создавая воронки. Витька обратил внимание на девичью голову, видневшуюся в стороне от остальных. Судя по взмахам рук, пловчиха пыталась выплыть из этой зоны у скалы. Ее движения становились все более нервными, она явно испугалась. Витька бросился в волну и быстро поплыл к тонущей девушке. Она тяжело дышала.

— Держись за меня, попробуем выплыть, — крикнул Витька.

Это была одна из солисток Лена Бараш, которая исполняла в ансамбле характерные роли. Она оказалась весьма тяжелой и Витька, загребая боком, увидел, что их относит вдоль скалы все дальше и дальше от берега. Мокрый скальный склон был усыпан ракушками. Мощные волны накатывались на него. Не придумав ничего лучшего, Витька решил выбрасываться на скалу. Он предупредил обессилевшую Лену:

— На волне я толкну тебя на камни. Цепляйся и лезь наверх, пока вода не покатится назад. Тогда ложись на камни и вцепись, чтобы тебя не смыло.

Со всей силы Витька толкнул девчонку на скалу, но та, распластавшись в метре от воды, лежала неподвижно. Потоки хлынувшей сверху воды потащили ее назад.

— Я не могу! Сил нет! — истошно закричала она, вновь очутившись в воде и, схватив Витьку за шею, потянула его под воду. Тот с трудом вырвался, чертыхнулся и повторил попытку, подпирая ее сзади. Ладонями он уперся в острые камни и держался изо всех сил, борясь с потоками летящей вниз воды. Торопясь уйти от новой волны, он грубо толкнул лежащую девчонку выше на скалу, прыгнул, не думая об острых, как нож ракушках, и растянулся рядом. Она перевернулась на спину и в ужасе зарыдала. Весь живот, бедра и руки были красными от крови. Порезы были неглубокие, но кровь лилась сильно. Уходя от очередного наката волны, они забрались еще выше и сидели, тупо глядя на кипящий под ними водоворот. Неожиданно рядом на скале появились двое спасателей в ластах:

— Никто не утонул? — деловито поинтересовались они.

— Как видите, нет — тяжело дыша, ответил Витька. — Помогите обновить кровь, — сказал он, показывая на окровавленную девушку.

— Это не наша задача, да здесь и нечем. Идите в ресторан. Там помогут, — и оба лихо прыгнули в воду.

Витька посмотрел на свои ладони — они были в глубоких порезах. Колени тоже были в крови. Отдышавшись, они медленно спустились с ближнего к берегу выступа и, смывая кровь морской водой, добрались до берега. Лена, накрывшись полотенцем, покорно плелась за Витькой в ресторан. Там было многолюдно. Посетители были одеты, поэтому появление двух окровавленных полуголых купальщиков привлекло всеобщее внимание. Витька попросил стоявшего в дверях мэтра оказать помощь. Тот что-то сказал официанту. Через пару минут официант вернулся с большой пластиковой бутылкой и салфетками:

— Это — медицинский спирт. Промойте раны, только не здесь.

Витька увел Лену за угол и строго сказал:

— Закуси зубами полотенце, закрой глаза и постарайся не орать.

Он стал плескать на раны спирт. Она тихо выла от боли, закатывая глаза. «Только бы не обморок, я ее не дотащу», — подумал Витька, накладывая смоченные спиртом салфетки на самые большие порезы. Кровоточить стало меньше. Он вел ее, шатающуюся, обмотанную полотенцем по пляжу. Наконец, встревоженные ребята из ансамбля подхватили ее и бережно уложили на песок, укрыв своими полотенцами. Наскоро обмыв свои порезы, Витька вернул бутылку ожидавшему у входа в ресторан официанту и присоединился к остальным. Весть о чуть не утонувшей Лене быстро разнеслась по труппе. Артисты продолжали купаться, но стали держаться берега.

К уставшему Витьке подошли уже знакомые спасатели, поинтересовались состоянием потерпевшей и объяснили, что за скалой морское течение круто поворачивает в океан. Поэтому если кого-то из русских затянет в море, сопротивляться не стоит, без ласт против течения не выплыть, а километров через пять, оно снова идет к берегу. Тогда можно спастись. Единственной опасностью в этом случае являются акулы, но в последнее время их в этой зоне не видно.

С купания возвращались утомленные и притихшие. Пришедшая в себя Лена виновато оправдывалась. Витька же чувствовал себя героем. Даже Федорчук поблагодарил его за спасение утопающей.

Непривычное отсутствие внимания со стороны бразильской полиции и прессы повлияло на труппу странным образом. С одной стороны, это означало скорую развязку, а с другой — было немного обидно, что артисты превратились в простых туристов.

ВЫПЬЕМ ЗА РОССИЮ. ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

На следующий день Калюжный подозвал Витьку и сказал ему:

— Сегодня вечером едем к нашим эмигрантам. На улице они пристали к нашим солистам, мол, хотим пообщаться с соотечественниками. Те не решились отказать, но сразу же доложили мне. Поедут человек восемь. Ты поглядывай, чтобы не было, как у американца.

Калюжный ехидно улыбнулся. В назначенное время подкатили два больших лимузина. Говорящие по-русски водители любезно пригласили в машины ожидавших у входа отобранных Калюжным членов труппы. Ехали довольно долго, удаляясь от побережья. Выехав из города, вскоре свернули на посыпанную гравием дорогу с грозной табличкой: «Частное владение, въезд запрещен».

— Ну, точно, как у нас, — неудачно пошутил Витька.

Дорога петляла, поднимаясь в гору. Наконец, среди деревьев показались огни. Это была двухэтажная вилла с огромными ярко освещенными окнами, отбрасывавшими полосы света на выложенную камнем веранду с множеством цветущих кустов. На веранде стояли человек пятнадцать с бокалами в руках. Они шумно приветствовали новых гостей, пожимая руки, хлопая по плечам. В широком проеме показался силуэт женщины в длинном вечернем платье.

— Мадам Турчанинова, хозяйка этого гостеприимного дома, — громко объявил по-русски один из стоявших на веранде.

Все приглашенные представились хозяйке, причем солисты ансамбля старательно произносили все имеющиеся у них титулы: «народный артист республики, лауреат премии, депутат Верховного совета» и тому подобное. Мадам вручала каждому свою визитку: «Мария Турчанинофф, исполнительный директор филиала «First National City Banc «San Conrado», Рио-де-Жанейро».

Освоившись среди собравшихся, гости мило беседовали под знаменитый бразильский коктейль «Кайпиринья» на основе тростниковой водки (кашаса). Больше всего внимания уделялось двум семейным парам солистов. Поскольку среди эмигрантов многие также пришли парами, то это выглядело вполне естественно. Калюжного опекали двое мужиков, как выяснилось, владельцев небольших магазинов. Средний возраст эмигрантов был около сорока лет, и по их словам, они были либо детьми, либо внуками представителей первой волны эмиграции. Хозяйка дома вновь вышла к гостям и, хлопнув в ладоши, пригласила всех в гостиную. Длинный широкий стол, накрытый белоснежной скатертью с кружевами, был сервирован на двадцать четыре персоны. Старинный фаянсовый сервиз с позолотой и фамильными вензелями был главным украшением стола. Серебряные подставки для столовых приборов и кольца для накрахмаленных салфеток, хрустальные бокалы разных размеров, расставленные шеренгами перед горкой уложенных одна на другую тарелок, как бы кричали о том, что традиции знатных русских домов здесь неукоснительно соблюдают. Два русскоговорящих официанта с военной выправкой в мундирах старого образца, держа в руках хрустальные графины, терпеливо ждали команды хозяйки:

— Голубчик, — томно произнесла она, — налей-ка всем водки.

Проворно наполнив самые маленькие рюмки, бравые ребята, которых Витька про себя назвал унтерами, стали разносить блюдо с холодными закусками. «Вам грибочков, семужки? Огурчиков не желаете?» Когда у каждого на тарелке появилась снедь, хозяйка дома встала и, явно наслаждаясь своей ролью, заговорила:

— Здесь в Бразилии, мы русские, заброшенные сюда в разное время и разными путями, живем одной коммуной, одной семьей. От кого еще, кроме нас самих, мы можем ждать помощи?

Витька с восхищением смотрел на эту немолодую, с гордой осанкой даму, чем-то напоминавшую Ермолову, изображенную в полный рост на известном портрете кисти Валентина Серова. От хозяйки дома струился свет благородного происхождения. «Да-а, — подумал Витька, — Познанская с ее парижскими ужимками ей в пометки не годится».

— Здесь собрались люди разных сословий, — продолжала хозяйка. — Мой род князей Турчаниновых берет начало от Рюриковичей. Мои предки верой и правдой служили государю и Отечеству, которое все мы потеряли. За этим столом собрались и менее знатные люди, но их предки до конца жизни оставались верными государю. Мы уже давно не делим себя на знатных и незнатных. Нас объединяет безраздельная любовь к России. Мы верим, что настанет день, когда мы снова с гордостью будем произносить это слово.

Витька, слушая бархатный голос мадам, не мог поверить, что попал к монархистам. Воспринимать эту речь всерьез он не мог, а обратить все в шутку было опасно.

— Господа, — обратилась она к присутствовавшим, — я предлагаю выпить за Россию!

Все шумно встали. Кто-то крикнул: «За Великую Россию!» Все стали чокаться друг с другом. Руки с полными рюмками потянулись к гордо стоящей хозяйке.

Осушая свою рюмку, Витька добавил про себя: «За нашу Россию» — вспомнив известный эпизод из фильма «Подвиг разведчика».

Стук столовых приборов нарастал, присутствовавшие принялись закусывать в ожидании нового тоста. На правах старшего из гостей народный артист Борис Форцу решился на ответный тост. Калюжный согласно кивнул. Когда унтерá налили по второй, Борис поднялся и обратился к хозяйке:

— У нас в Молдавии за хозяйку дома пьют в конце. Но сегодня я вступаю не как молдаванин, а как представитель нашей великой Родины, часть которой, благодаря вам, мы нашли здесь на бразильской земле. Могу признаться, что вы, уважаемая мадам Турчанинова, поразили меня и всех моих коллег, — он выразительно посмотрел на Калюжного, опустившего голову в тарелку, — своим благородством и радушием. После того, что случилось с нами здесь, встреча с вами для нас великая радость. Я поднимаю этот бокал за вас, мадам Турчанинова, и в вашем лице за всех русских с большой буквы, разбросанных по миру!

Хозяйка благосклонно кивнула Борису в знак согласия и подняла свою рюмку. Все дружно зашумели, но Витька заметил, что большинство лишь слегка пригубили. «Интересно, им тост не понравился или готовят что-нибудь?».

За столом завязался разговор о пустяках, задавались невинные вопросы. К мадам иногда подходил то один, то другой из местных, что-то шептали на ухо. Она мило улыбалась, делая вид, что это касается только ее. Перед десертом все снова вышли на веранду подышать вечерней прохладой. Калюжный сделал Витьке знак, мол, будь наготове. Бориса Форцу и его жену две супружеские пары зажали в одном углу веранды. Остальные приглашенные были разобраны поодиночке. Витьку неожиданно для него взялась опекать сама мадам Турчанинова. Она стала рассказывать, как коммуна помогает вновь приехавшим освоиться здесь в Бразилии.

— Если у приехавшего нет профессии, чтобы найти приличную работу, мы предоставляем кредит на открытие собственного дела, подыскиваем приличное жилье, помогаем с оформлением всех бумаг, помогаем выучить язык, знакомим с местными обычаями. Вот вы, например, кем работаете? Витька растерялся:

— Я переводчик, но в основном я пишу статьи, занимаюсь изучением Латинской Америки. Хочу защитить диссертацию.

— С такой профессией здесь Вам будет трудно найти работу. А вот диктором на радио вы могли бы устроиться. Я слышала, что вы отлично вели спектакли на северо-востоке.

Стало понятно, что к встрече хозяева тщательно подготовились.

— Но ведь чтобы получить такую работу, я должен сначала уволиться и решить многие вопросы в Москве. Потом моя семья, ведь ее сюда не пустят.

Хозяйка мило улыбнулась и, обняв Витьку за плечо, повела его по дорожке вокруг дома.

— А вам и не надо уезжать. Оставайтесь здесь, а мы все устроим. И семья к вам приедет... через некоторое время. Подумайте, вот вам мой телефон. Пойдемте к гостям, а то они уже волнуются.

Широко улыбаясь, мадам Турчанинова широко раскинула руки, укрытые тонким вязаным платком, приглашая всех гостей вернуться в дом. Витьке она напомнила заботливую курицу, опекающую своих цыплят.

Чаепитие прошло в беззаботном трепе с легкими шутками, только Калюжный с тревогой поглядывал на Витьку. По дороге в отель все молчали. Всей группой поднялись в номер к Калюжному, он повесил перед телевизионной розеткой газету, включил в ванной воду, увеличил громкость телевизора и лишь тогда произнес:

— Ну, что?

Первыми отчитались две молодые танцовщицы:

— Нам предлагали выгодное замужество. Готовы познакомить с женихами. Вот телефон для связи. Спросить Петра.

— Надеюсь, не меня, — мрачно пошутил Калюжный.

Борис отчитался также кратко:

— Контракт на год в варьете с молдавскими танцами плюс жилье. Правда, в случае согласия, я должен сделать заявление о желании остаться по политическим мотивам.

Вторая пара солистов получила такое же предложение. Витька кратко рассказал о дикторстве на радио. Калюжный горько заключил:

— А мне ничего не предлагали, видимо, им про меня все известно. О полученных предложениях прошу никому из наших не рассказывать, а номера телефонов я на всякий случай у вас заберу.

Оставшись один, Калюжный напряженно анализировал ситуацию. Случайно нашли кого надо, на улице. Заранее узнали, кто поедет. О каждом из нас у них уже была информация. За этим опять стоят американцы? Прощупывают на прочность? Чего же еще от них ждать?

РАЗВЯЗКА. ПРЕЗИДЕНТ СВЕРГНУТ

Через консульство Калюжный выяснил, что судьба ансамбля решалась в Москве на самом верху. После бурных дебатов в Политбюро с участием министра иностранных дел Андрея Андреевича Громыко большинство согласилось с предложением оказать молдавским артистам необходимую помощь, поскольку, учитывая ситуацию, сложившуюся в Бразилии, опасность их ареста и высылки из страны была вполне реальной. Объявления персонами нон грата семидесяти пяти человек допустить было нельзя. Такого количества бразильцев для принятия ответных мер в Союзе просто нет. Главным аргументом в этом обсуждении стало твердое намерение советских партийных руководителей показать на этом примере американцам, что эпоха их безраздельного господства в Латинской Америке кончилась, и что СССР в состоянии противопоставить им нашу передовую идеологию и культуру. Некоторые члены Политбюро даже посетовали: «А зря наши не исполнили «Интернационал». Мы же несем культуру в массы мирового пролетариата, а они, эти массы, должны знать наш партийный гимн». В конце концов сошлись на более нейтральной формуле.

Советскому послу в Бразилии было дано поручение добиться от бразильских властей согласия на выезд советской труппы из страны без выдвижения каких-либо политических обвинений, ограничившись формальными причинами. Советская сторона, в свою очередь, гарантировала бра-

зильской стороне оставить этот инцидент без последствий. Но американцы, затеявшие весь этот балаган, упорно добивались международного скандала, который позволил бы отменить гастроли русских по другим странам континента. Президент Бразилии, ощущая давление со стороны двух сверхдержав, проявлял нерешительность, которая через несколько месяцев стоила ему поста (он был смещен группой военных). Он явно колебался, не желая идти на поводу у американцев и опасаясь потерять лицо в случае принятия предложения русских.

В этой ситуации контролируемые американцами журналисты из желтой прессы, ссылаясь на свои источники, опубликовали данные о том, что русская труппа в знак протеста против произвола бразильских властей объявила голодовку и намерена оказать энергичное сопротивление попыткам выслать ее из страны. В качестве доказательства они привели слова хозяина ресторана, где несколько дней ужинала труппа, о том, что они отказались питаться в его заведении. На основе этих измышлений в прессе вновь зазвучали угрозы объявить артистов персонами нон грата. Федорчук с Синкевичем и Калюжным ежедневно ездили к советскому консулу, где готовили официальное заявление труппы для СМИ. С согласия Москвы на всякий случай разработали три варианта — протест, разъяснение позиций и выражение сожаления.

Наконец, из Москвы пришло сообщение, что министерство культуры приобрело билеты на всю труппу в Москву. Неожиданно выяснилось, что компания «Varig» под предлогом загруженности рейса согласилась перевезти всю труппу без багажа и реквизита весом около тонны, которые предлагалось доставить через неделю. Если артисты больше всего беспокоились о своем багаже, а материально ответственное руководство труппы о реквизите, то консул усмотрел в этом опасность провокации при вывозе бесхозного груза. Контрольная проверка при отправке может обернуться «выявленной» таможней контрабандой, наркотиками, оружием или подрывной пропагандой.

На переговоры с компанией «Varig» ушел еще один день. В результате было достигнуто соглашение об отправке 68 человек одновременно с багажом и реквизитом, а остальных недель позже. Однако на эту формулу долго не соглашалось советское посольство, которое настаивало на заявлении протеста при отъезде труппы.

Москва, для которой важнее было начать процесс возврата, дала указание посольству принять компромиссное решение и обеспечить безопасность остающихся. При вылете основной группы заявления для прессы было решено не делать. Споры вокруг списка остающихся практически не было: руководство труппы, ведущие артисты с зелеными паспортами и Витька. Познанская сопровождала в Москву основную часть группы.

Сборы прошли в суматохе. Главной трудностью оказалась отправка багажа и многочисленных ящиков с реквизитом. Полиция тщательно перерыла весь реквизит, заставила артистов вскрывать их чемоданы. Из-за этого прощание в аэропорту с консульскими работниками и остающимися было скомканым, нервным. Журналисты, ждавшие сенсации, были разочарованы. Даже Синкевич, уныло взглянув в спину последнему отъезжающему, уходящему на посадку после паспортного контроля, тихо запел: «Никто не даст нам избавленья...». Стараясь не попадаться журналистам на глаза, семь вынужденных заложников покинули аэропорт, не дожидаясь вылета основной группы.

Вернувшись в отель, оставшиеся поняли, что они лишены всякого питания за казенный счет, да и полицейские стали к ним гораздо строже. Пресса злорадно обсуждала провал гастролей, смакуя всякие мелочи. Витька, не находя дела, мотался с Федорчуком и Калюжным в консульство, слушая бесконечные обсуждения возможных действий со стороны труппы, посольства, министерства. Кормились все вместе в номере начальства, снося туда личные запасы — подернутые плесенью плавленые сырки «Дружба», почерневшие куски сырокопченой колбасы, сухари, чай в пакетиках. Откуда-то появились тщательно спрятанные бутылки с водкой. Все сходились на одном: сейчас надо тихо ждать вылета, а в Москве придется давать объяснения.

Екатерина Алексеевна Фурцева

За день до вылета консул принес вести с родины. Основная часть труппы благополучно добралась до дома вместе с реквизитом. В Кишиневе ее встречала многотысячная толпа. Родственники тех, кто остался, подняли крик, узнав от приехавших о родных, находящихся чуть ли не в заложниках в Бразилии. Местные газеты тут же написали о бойкоте и непомерных страданиях ансамбля, особо упирая на факт задержания в качестве заложников семи лучших представителей «Жока», которых держат в бразильской тюрьме и пытаются. Родственники потребовали от молдавских властей немедленных действий по освобождению узников. Эта информация была встречена оставшимися с юмором, но предстоящий отъезд вызывал тревогу. А если в последний момент власти действительно их арестуют? Когда делать заявление? Посольство настаивало на передаче текста прессе после того, как Витька зачитает его в аэропорту.

Вечером на посольских машинах оставшиеся представители труппы выехали в аэропорт. Там их уже ждали сотрудники посольства и журналисты. Оформление билетов и багажа прошло без эксцессов. Перед паспортным контролем группа, плотно окруженная сотрудниками посольства, подошла к прессе. Витька сделал шаг вперед и стал читать текст:

— Наш ансамбль, приехавший в Бразилию с миссией дружбы, глубоко сожалеет о срыве гастролей из-за недоразумения, которое было неверно истолковано бразильскими властями. Мы надеемся, что данный инцидент не повлияет на отношения между нашими странами, и хотели бы вернуться сюда снова и дать полноценные гастроли.

Консул поручил своим сотрудникам быстро раздать текст заявления журналистам. Те, хватая бумажки, бросились к отъезжающим с вопросами:

- Какая песня звучала в Белеме?
- «Подмосковные вечера».
- Она похожа на «Интернационал»?

- Нет.
— Как переводится «Жок» — «Рабочая католическая молодежь» («Juventude operária católica»)?
— Да нет, конечно.
— Что вас ждет в Москве, арест?
— Без комментариев.

Консул, энергично подталкивая отъезжающих к стойке проверки паспортов, поблагодарил журналистов за участие.

Когда все семь посланцев прощально махнули консулу рукой, находясь уже по ту сторону границы, тот облегченно вздохнул.

ПУСТЫНЯ

В полете все устало спали. Витька проснулся от солнечного луча, светившего ему в глаза из полужакрытого шторкой иллюминатора. Небо было ярко голубое. Самолет шел на высоте одиннадцать тысяч метров. На другом конце Атлантики показалась бесконечная песчаная полоса, на которую мерно накатывались белые барашки прибоя. Дальше лежала бескрайняя пустыня. Вдруг и песок потемнел, и показалось огромное абсолютно круглое пятно, от которого в разные стороны тонкими нитями расходились песчаные дороги, исчезающие в барханах.

— Где мы? — спросил Витька стюардессу, проходившую мимо.

— Сахара, ее алжирская часть, — кратко ответила она. — Здесь французы произвели первое испытание своей атомной бомбы в 1960 году.

Витька задумчиво смотрел сверху на это жуткое зрелище. Вот уже девять лет оплавившийся до коричневого стекла песок гигантской незаживающей язвой зиял на бескрайних африканских просторах, демонстрируя другим мирам это жуткое творение рук человеческих.

Пересев в Милане на родной «Аэрофлот», Федорчук наконец понял, что можно расслабиться и позволил себе выпить. Даже Калюжный согласился на порцию водки. Москва встречала оставшуюся группу майским дождем. Ожидавший их представитель министерства культуры сообщил, что завтра в 10 утра их ждет министр. Остальная труппа прилетит из Кишинева через два часа. Витька помчался домой, там его тоже ждали.

СОВЕЩАНИЕ

Утром Витька под дождем вновь торопливо шагал мимо памятника героям Плевны. Правда, дождь был не такой противный, как месяц назад. Его встретили в зале, как старого знакомого. Все оживленно обменивались приветствиями, новостями. Кишинев бурлил, зачитываясь публикациями о приключениях «Жока» в Бразилии. Молдавские журналисты не скупилась на описание ужасов, выпавших на долю ансамбля. Больше всего расписывали мучения семи заложников в тюрьме Рио, где им, якобы, пришлось сидеть с уголовниками. О Витьке тоже напечатали несколько строк.

Екатерина Фурцева появилась точно в десять часов в сопровождении нескольких сотрудников отдела внешних связей минкульта.

— Расскажите мне подробно и честно, что произошло в Бразилии? — без всяких вступлений строго спросила она. — В конце концов, вы пели «Интернационал» или нет?

Первым выступил Синкевич и рассказал, как было дело.

— Мы разве вас петь посылали? У нас для этого есть хоровые коллективы! — в сердцах возразила министр. Потом она подробно рассказала о усилиях, предпринятых министерством иностранных дел. В результате из Бразилии поступила нота, в которой говорилось, что претензий у властей к ансамблю нет, и в будущем он может приехать на гастроли.

— Мы долго обсуждали сложившуюся ситуацию и пришли к выводу, что гастроли следует продолжить. Через неделю коллектив должен вылететь в Уругвай и далее по графику в остальные страны. Прошу вас не давать никаких поводов для провокаций. Второй провал будет для вас последним. Сегодня же вылетайте в Кишинев и готовьтесь к поездке, — заключила министр.

Leonid V.Veselovsky (revistala@mtu-net.ru)

Candidate of historical sciences, economist in international affairs, retired colonel, pensioner

«If you knew...», or «No one will give us deliverance...»

Abstract. The story of a little-known episode of the confrontation between the two superpowers in the era of the "cold war" in the field of culture in distant Brazil. The author is a participant in the described events. Some first and last names have been changed.

On April 7, 1969, on the front page of the provincial newspaper «Diário do Pará», it was printed in large letters: «The Russians forced the hall to sing the «International» This news was immediately picked up by the largest Brazilian federal newspapers «O Globo» and «Jornal do Brasil». The country was ruled by a military dictatorship led by Marshal Arthur da Costa e Silva, one of the most repressive dictators in the history of Brazil. The states were also headed by the military, and strict censorship was introduced under the full control of the military police.

Key words: Brazil, Joc Company, USSR-USA confrontation, military dictatorship, E.A.Furtseva.